

{numeration}

Конец XIX — начало XX в. были необычайно счастливым временем в развитии отечественной фольклористики. Одно за другим свершаются экспедиционные открытия. В 1898—1899 гг. московский студент Алексей Владимирович Марков едет на Зимний берег Белого моря и открывает для фольклористики здесь мощное гнездо былинной традиции. Атмосфера в науке в те годы благоприятствовала быстрому признанию молодежи. Уже в 1901 г. фундаментальный том «Беломорских былин, записанных А. Марковым» (М., 1901) вышел в свет. В 1899—1901 гг. проходят три летних экспедиции Александра Дмитриевича Григорьева, также питомца Московского университета, побывавшего в Поморье, на северных реках Пинеге, Кулое и Мезени. Результатом его поездок стало трехтомное собрание «Архангельские былины и исторические песни» (СПб., 1904. Т. 1; М., 1910. Т.3; Прага, 1939. Т. 2). В 1901—1902 гг. бывший уральский фельдшер, а в начале XX века петербургский журналист, Николай Евгеньевич Ончуков совершает поездки на Печору, самую восточную из крупных северно-европейских рек. Его вкладом в былиноведение становится сборник «Печорские былины» (СПб., 1904).

Появляются в печати и крупные сказочные собрания, которые со временем стали классикой русской фольклористики. По результатам своих многочисленных экспедиций и по материалам, записанным другими собирателями, издает сборник «Северные сказки» Н. Е. Ончуков (СПб., 1908). Молодой этнограф и фольклорист Дмитрий Константинович Зеленин выпускает в свет «Великорусские сказки Пермской губернии» (СПб., 1914) и «Великорусские сказки Вятской губернии» (СПб., 1915). Чуть позднее Алексей Матвеевич Смирнов-Кутаческий вводит в науку обширные материалы из Русского географического общества — «Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества» (СПб., 1917. Вып. 1—2). В этом же ряду следует назвать и «Сказки и песни Белозерского края» Б. М. и Ю. М. Соколовых (М., 1915) — книгу, переиздание которой читатель держит в руках.

Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич Соколовы, братья-близнецы, родились 7/19 апреля 1889 г. в Нежине, где их отец, Матвей Иванович Соколов, был профессором русской словесности в Нежинском историко-филологическом институте. В том же году М. И. Соколова пригласили в Московский университет. Так Москва стала родным городом для будущих фольклористов, а Московский университет их alma mater (1906—1911).

Б. М. и Ю. М. Соколовы приобщаются к серьезной научной работе очень рано. Сборник «Сказки и песни Белозерского края» — это результат двух фольклорных экспедиций юных студентов Московского университета в Новгородскую губернию (Белозерский

край, ныне территориально закрепленный за Вологодской областью, в дореволюционный период входил в состав именно этой губернии). Новгородским экспедициям 1908 и 1909 гг. предшествовали следующие обстоятельства. Летние каникулы 1907 г. студенты Соколовы провели у родных под Рыбинском. Здесь им пришлось общаться с Катериной Шарашовой, кухаркой их бабушки, крестьянкой из Белозерского уезда. Оказалось, что она была неплохой песельницей и знатоком устной поэзии. Тогда же, в 1907 г., Борис Соколов записал от нее отрывки старин (так в народе называют былины) о Добрыне Никитиче и Дунае. Русская фольклористика начала XX века, как известно, проявляла особый интерес к былевому эпосу. Былины из Белозерского края — «белого пятна» на «эпической карте» России — не могли не заинтересовать начинающих филологов. Тогда-то у них и зародилась мысль об экспедиции в Новгородскую губернию: не посчастливится ли им подобно А. В. Маркову, А. Д. Григорьеву и Н. Е. Ончукову стать первооткрывателями мощной песенно-эпической традиции в регионе, который еще не обозначен на былиноведческой карте фольклористики?

Энтузиазм начинающих ученых, их горячее желание погрузиться в атмосферу «живой старины» нашли отклик в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, существовавшем при Московском университете. Оно снабдило их необходимыми документами и деньгами для экспедиции 1908 г. Летняя поездка 1909 г. финансировалась другим крупным научным учреждением — Московским археологическим обществом. Намерения братьев Соколовых совпали с планами самого МАО. В этот период Общество готовилось к очередному съезду, который должен был проходить в 1911 г. в Новгороде. В связи с этим особо актуальной стала новгородская тематика. Намечались археологические раскопки на территории губернии, обследование местных церквей, изучение иконописи, старинных рукописей. Обострился интерес и к новгородской «живой старине» — народной словесности. Таким образом, личный интерес братьев Соколовых к Белозерскому краю совпал с запросами науки.

Итак, летом 1908 г. после окончания второго курса университета Б. и Ю. Соколовы выехали в Белозерский уезд. Опорным пунктом их первой экспедиции стала деревня Терехова-Малахова Мишутинской волости, откуда была родом упомянутая выше Катерина Шарашова. Радиус обследуемой территории в первую экспедицию не превышал пятнадцати километров.

Надо сказать, что в некоторых аспектах это была очень трудная для молодых фольклористов поездка. Крестьяне, что вполне естественно, настороженно и недоверчиво встречали господ, занимающихся непонятным делом. Девятнадцатилетние

же юноши не имели достаточного жизненного опыта, чтобы легко найти общий язык с мужиками. Но в конце концов, пройдя через ряд нелепых подозрений со стороны крестьян, — кто к ним приехал: тайная полиция? «поликаны»? японцы? фальшивомонетчики? — братья Соколовы сумели наладить с ними контакт. Новгородцы же покорили молодых ученых с самого начала. Восхищением их бытом, жадным интересом ко всему новому дышит письмо к матери Бориса Соколова от 7 июня 1908 г.:

«Дорогая мама! Вот мы уже третий день находимся на месте. Слава богу, что нас надоумили поехать сюда. Так много интересного, важного, что не знаю, когда и выберемся отсюда!

Приняли нас здесь так, что и думать ничего подобного не могли. Живем мы в отдельной, только что отстроенной к нашему приезду избе. Нас здесь ждали целый год и так были все рады (имеются в виду родные Катерины Шарашовой, которые были предупреждены о приезде студентов Соколовых — Т. И.). Сначала все дичились нас. Как бывало, в первый день идешь по улице — бабы и девицы стыдятся на глаза показаться. Все только извиняются, что у нас де серо, ой как серо, не обессудьте.

Много интересного, нового, совсем незнакомого получил я в эту поездку. Деревня живет совсем иным, старинным бытом «старой веры», как они выражаются. (Но под этим не надо разуметь, что они раскольники — они православные). Одежда вся самодельная, пища оригинальная; вообще крестьяне ничего не покупают; фабрикой почти не пользуются. Все свое. Они сами и шапки валяют, и валенки, и одёжу всю ткнут, сапоги делают, кирпич режут, дранки дерут, вилки куют — одним словом, живут все своим собственным трудом по-толстовски. Народ очень нравственный. Пьет только по праздникам. Работают так, что только удивляться приходится — всего 3—4 часа спят и то днем, а ночь работают. Солнце здесь почти не заходит — целые сутки светло.

Нынче дал 3 рубля, чтобы четверть вина купили. Завтра мужиков здешних угостить надо. На остальные деньги велел купить подсолнухов. Завтра, говорят, найдут народу целая волость. За 20 верст в каждую сторону слышно, что гости московские приехали. Песни записывать. А нам это на руку. Мне тут называют имена известных «писенников» да стариков, знающих старинные песни. А песен здесь знают много. Работы предстоит уйма.

Жаль, народ очень, очень занят — ловим свободного человека. Ходим по избам и к нам приходят. Как позапишем здесь, поедем по окрестным деревням. Не знаю еще, сколько погостим. Завтра думаем утром рано идти за 8 верст на обедню, да паспорта прописать.

Сейчас ходили в байну — черную, без трубы, которая отопляется камнями. Одевались и раздевались на чистом воздухе. Помогаем работать понемногу — дранки режем.

На днях буду снимать свадьбу — все девицы оденутся в свадебные платья по чину, свадебьяна тоже: и для них удовольствие, и для нас польза. Нынче снимал ребят со всей деревни и деревню. Завтра сниму семью наших хозяев (9 человек). Здесь наряды все особые. Женщины ходят в сильно декольтированных сарафанах. Девицы-то не все, а девочки поменьше — тоже. Носят бабы повойник, а в верстах 3-х и шлык носят. Хотел бы много вам написать, да некогда — сейчас освободились люди: надо записывать, не теряя доброго времени».

То же настроение бодрости и приподнятости звучит в письме от 11 июня:

«Продолжаем по-прежнему жить так же хорошо. Вчера за записями просидели 12 часов. Вчера устраивали, между прочим, свадьбу; все девицы и взрослые оделись по-свадебному и я сфотографировал. Интересного много. Купил вчера себе красоту невестину за полтинник. Да думаю приобрести весь головной убор и кой еще что. Жаль, что денег немного! В воскресенье „проводжали весну“. Угощал крестьян нашим вином. Они даже качали — просто от любви. Записываю теперь сказки. Обещались доставить сюда двух стариков за 5 верст отсюда. Когда уедем отсюда, не знаю, потому что многое бы хотелось еще сделать».

Фольклорная экспедиция братьев Соколовых в Белозерский край проходила в 1908 г., когда страна еще только приходила в себя после потрясений, вызванных Первой русской революцией. Сохранились дневниковые записи Юрия Соколова 1906 г. Они дышат растерянностью перед жизнью, непониманием, что есть добро и что есть зло, неумением распознать идеалы русского народа. Да и само понятие «народ» для юных братьев Соколовых, похоже, долгое время сводилось к прямолинейному некрасовскому

пониманию этого слова — простонародье. В семье профессора М. И. Соколова культивировалось интеллигентское поклонение мужику-крестьянину. Юношеские стихи Бориса Соколова проникнуты важной для него идеей «как наш мужик велик». Однако единения с простым русским мужиком Борис и Юрий не ощущали. Недаром в том же 1906 г. Юрий писал в дневнике:

«Я ужасно люблю народ, но любовь моя идеалистична, мечтательна, не проста. Когда мне приходится встречаться с мужиком, мне очень хочется тогда заговорить с ним. Но не умею приступить к нему. Всегда приступ бывает очень неестественным, неправдивым, всегда испытываю в таких случаях неловкое чувство, чувство неравенства. Всячески стараешься встать в таких случаях с мужиком на равную ногу и не удается».

В фольклорной экспедиции 1908 г. московские студенты братья Соколовы сделали первый шаг к тому, чтобы почувствовать себя частицей русского народа. Записывая песни и сказки, подспудно они подходили к мудрому толстовскому пониманию слова «народ». Народ — это солдаты, бывшие мужики, решившие исход Бородинского сражения. Народ — это и высокородный князь Андрей Болконский, который для своего полка в годину испытаний и кризиса стал «наш князь». Народ — это и та безымянная барыня, которая задолго до Бородина покидает Москву, чтобы, не дай боже, не оказаться в зависимости от милости французов и тем самым дать врагу чувство нравственного превосходства над собой и своим народом.

В Белозерском крае братья Соколовы осознали одну из важнейших ценностей народной жизни — жить в труде и получать достойную награду за свой труд. И сами юноши своим образом жизни приобщаются к этому народному идеалу. Труд братьев Соколовых — это не только те дранки, которые они помогают резать своим гостеприимным хозяевам. Дранки — это всего лишь экзотическое развлечение для городских жителей. Труд юных москвичей — это десятки и сотни фольклорных записей, которые они сделали в Белозерском крае, записей, которые они оставили своему народу.

Фольклорная экспедиция раскрыла братьям Соколовым еще одну грань народного характера — разумность подхода к жизни: несбывшийся первоначальный идеал не заслоняет от русского народа перспективы дальнейшего пути. Невоплощенность задуманных планов не воспринимается народом как глобальная катастрофа. Как уже говорилось выше, побудительным мотивом к поездке в Белозерский край для братьев

Соколовых стало желание познакомиться с возможной здесь песенно-эпической, а конкретнее — былинной традицией. Однако былин в Терехове-Малахове и ее окружении фольклористы записали очень мало: это краткий прозаический пересказ сюжета об Алеше Поповиче и Тугарине Змее (см. № 1 в разделе «Песни эпические») и песня по былинным мотивам «Микита Романовиць» (№ 11). По сравнению с записями А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова в Архангельской губернии это был ничтожный результат. Однако начинающих фольклористов данный факт не обескуражил. Интуитивно они поняли, что нацеливание фольклорных экспедиций на собирание какого-либо одного жанра неизбежно искажает общее представление о народной культуре в целом. Подспудно у студентов Соколовых рождалось новое понимание задач экспедиционной работы: запись всех фольклорных произведений региона. Это была принципиально новая тенденция в развитии отечественной фольклористики.

До братьев Соколовых все снаряжаемые различными организациями экспедиции ставили перед собой узкие задачи: запись былин (А. Ф. Гильфердинг, А. Д. Григорьев, А. В. Марков); собирание песенно-музыкального фольклора (Ф. М. Истомина, Г. О. Дютш, С. М. Ляпунов, Е. Э. Линева); фиксация сказочной традиции (Д. К. Зеленин). А. В. Марков в 1909 г. отправляется в Пермский край специально для поисков былинного эпоса. Не найдя здесь эпической традиции, он, не заинтересованный в исследовании общего состояния устно-поэтического репертуара, круто меняет свой маршрут и едет в Поморье, где перспективы записи старин были более обнадеживающими. Б. М. и Ю. М. Соколовых же не смутили их скромные результаты в собирании песенного эпоса. Малочисленность текстов одного жанра вполне с их точки зрения компенсировалась обилием другого материала. Понимание необходимости выявления всего фольклорного репертуара региона приносило экспедиционерам то удовлетворение от своих трудов, которого был лишен А. В. Марков в Пермской губернии, не оправдавшей его надежд на былины.

В первую, белозерскую, экспедицию молодым собирателям удалось сделать многое. Было записано 65 сказок от 14 сказочников, ряд исторических песен, описание свадебного обряда, песенная лирика и т. д. Летом 1909 г. Б. М. и Ю. М. Соколовы направились в соседний, Кирилловский, уезд Новгородской губернии. На этот раз они расширили обследуемый ареал. Экспедиционеры проделали с юга на север двухсоткилометровый путь и провели фольклорно-этнографические наблюдения в 21 населенном пункте. Кирилловская экспедиция 1909 г. значительно обогатила коллекцию эпических песен. Были записаны такие былинные сюжеты, как «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Дунай-сват», «Михаил Данилович», а также баллады «Василий и Софья», «Мать князя Михаила губит его жену», «Роман губит свою жену», ряд исторических песен. Существенно пополнилось и представление о сказочной

традиции здешнего края. Были сделаны также записи свадебного обряда, песенного фольклора, заговоров, пословиц и т. д.

Молодые ученые с самого начала были внимательны и к «неклассическим» жанрам русского фольклора. В Белозерском крае они записали великолепную коллекцию частушек, которые лишь незадолго до их экспедиции получили «права гражданства» в науке. Не прошли они и мимо пренебрегаемых многими фольклористами песен литературного происхождения и «жестоких романсов». Соколовы, желая дать объективную картину кириллово-белозерского репертуара, привезли, пожалуй, первую в отечественной науке коллекцию песен этого типа.

Уже в самом начале научной деятельности этих фольклористов подспудно вызревал знаменитый тезис, сформулированный позднее Ю. М. Соколовым, о том, что фольклор — не только отзвук далекого прошлого, но и громкий голос современности. От древней былины до поздней песни литературного происхождения — вот диапазон интересов братьев Соколовых в области собирания фольклора. Древнее в современном и современное в древней традиции — таково их понимание народной словесности.

Новгородские экспедиции 1908 и 1909 гг. братьев Соколовых дали науке фундаментальный сборник «Сказки и песни Белозерского края». Самим же Борису и Юрию Соколовым эти поездки помогли не только определиться в будущей профессии и обратить на себя внимание ученого мира, но и обрести духовную опору, которая поможет им в кризисные моменты развития России не потерять себя. Обращение к фольклору помогло братьям Соколовым найти ответ на тот вопрос, который столь наивно был сформулирован в дневнике семнадцатилетнего Юрия Соколова: «Народ! Ты скажи, чего ты желаешь, какие у тебя идеалы».

Самосознание народа зиждется на твердом знании, что есть власть имущие (или же те, кто претендует на то, чтобы стать властью имущим), которые думают, что ход исторических событий зависит именно от них, и есть народ (но не «твари дрожащие», если пользоваться выражением Достоевского!), который-то и творит истинно историю. В былине «Михайло Данилович» (№ 6) князь Владимир позорно пугается при вести о нашествии под Киев вражеской силы. Ответственность за Русскую землю в кризисный момент берет на себя малолетний богатырь Михайло Данилович, побеждающий князя Бахмета и княжишша Старуришша. Возвратившись после победы в Киев, он получает от властей лишь недоверие и, как следствие, — тюремное заточение. Несправедливость

верхов давно понята и осознана народом во многих произведениях фольклорной традиции, и столь же давно в народе сформировалось твердое убеждение в том, что вне зависимости от того, будет ли награда от властей или нет, преодоление любого кризиса — дело самого народа, оно зависит не от верхов, а от народа.

Во время фольклорных экспедиций благополучные московские барчуки Борис и Юрий Соколовы, отнюдь не склонные к радикальным революционным идеям, которые в их время были столь популярны в студенческой среде, осознали, что они не принадлежат и не хотят принадлежать к власти имущим, к тем, для кого власть в любой ее форме представляется безусловной ценностью. Малограмотные деревенский урядник и староста, власть имущие, оказываются на одной, весьма высокой, ступени начальствующей иерархии, а крестьяне, желающие поделиться с жаждающими москвичами своими сказками, и сами «баре» Соколовы — на другой, низкой, ступени. Во власти старосты и десятника прервать совместный радостный труд братьев Соколовых и народных сказочников и объявить «срочную» необходимость раздела лугов. Но не в их власти отнять сказку ни у сказителей, ни у фольклористов, ни у народа.

Фольклорные экспедиции наглядно продемонстрировали московским студентам глубокое народное убеждение в том, что каждый человек достоин высокого положения и уважения в обществе. Именно поэтому, рисуя идеальную пару молодых в свадебном обряде, песня называет крестьянских парня и девушку «князь молодой» и «княгиня молодая». Крестьянская изба в свадебной поэзии превращается в княжеский терем, а стиральная старенькая занавеска, отделяющая «бабий угол», в котором сидит невеста, — в роскошную «бранчатую» (вышитую) занавесь.

И еще одна очень важная сторона народного идеала отразилась в фольклорной традиции — это потребность в красоте. Гениально выразил эту народную по своей сути мысль чуткий русский писатель Ф. М. Достоевский: красота спасет мир. Помимо труда, достатка и уважения, народу в качестве духовной опоры нужна еще и красота. Именно поэтому фольклорная лирика расцвечена «зелеными садами», «вишеньем», «виноградьем», «розовыми, алыми цветами», «шелковой травонькой» и т. д. Жизненный идеал русского народа никогда не замыкался в узких, холодных прагматических рамках. Русский крестьянин жил в тяжких земледельческих трудах, но ценил «лазоревого цветочек» в лугах и умел отразить его красоту и в песне, и в росписи на прялке. Русский дворянин ощущал поэтическую прелесть охоты и собирал в своих поместьях великолепные коллекции отечественной и западноевропейской живописи. И только те, кто оторвался от народа, как это случилось с большевиками после 1917 г., исключили красоту из своего жизненного идеала: они разрушили и уютные дворянские усадьбы,

охраняемые классицистическими львами, и крепкие крестьянские избы с их берегами-коньками; они распродали богатейшие дворянские коллекции произведений искусства, они уничтожили крестьянский уклад жизни с его развитой обрядностью, девичьими «беседами», вечерними сказками.

В конечном счете можно сказать, что фольклорные экспедиции помогли братьям Соколовым понять русский национальный характер. А наиболее полнокровно характер нашего народа, пожалуй, отразился в жанре сказки. Сказочный герой так же многолик, как многолик и многообразен русский человек в жизни.

Исторические события не раз заставляли русский народ, напрягая все силы, выдвигать на первый план героев-богатырей. Так было в эпоху монголо-татарского ига, в годину нашествия Наполеона на Россию, в недавнюю Великую Отечественную войну. Героя-богатыря знает и сказочный фольклор. В сказке «Иван Царевич и Бурзачило Поганое» (№ 16) главный герой с помощью чудесного коня побеждает Бурзачило Поганое и заключает его в темницу. Мать героя влюбляется в его противника и, по наущению последнего, желая извести сына, посылает того биться с тремя Змеями, которых Иван-царевич также одолевает. В конце концов герой достигает традиционной сказочной награды: он получает руку царевны, вешает своего врага Бурзачило, но прощает мать-изменщицу. Последнее — это тоже черта народной нравственности: мать остается для человека неприкосновенной при любых обстоятельствах.

Помимо богатырства есть в русском народе и простодушие. Именно поэтому излюбленным сказочным персонажем становится Иван-дурак. «Дурость» этого героя — это отнюдь не житейская глупость и тупоумие. Иван-дурак наивен, простосердечен, исполнен понимания долга и именно поэтому любим народом. В белозерской сказке «Иван Дурацёк» (№ 63) простодушный герой, которого старшие братья считают дураком, по завещанию покойного отца три ночи подряд сторожит его могилу, за что и получает во владение трех чудесных коней. Сказка с ее настойчивым утверждением справедливости на земле не обходит героя наградой — за его почитание отца он становится женихом царевны.

Однако при всем своем простодушии русский народный характер не без лукавинки и не без хитрости. Русский человек всегда готов посмеяться над жадностью, глупостью, самодурством и другими человеческими пороками. С помощью разных хитростей сказочный герой наказывает попа, который морил работников голодом, похитив у того

жену (№ 52). В сказке мужик заставляет глупую барыню отдать ему свинью и тройку лошадей, сказав, что на этой тройке свинья вместе со своими поросятами хочет отправиться на свадьбу к другой свинье (№ 44). Вследствие хитроумных комбинаций солдата жестокая барыня оказывается на положении жены сапожника и, проученная сапожником, становится доброй и справедливой (№ 45).

Рядом с хитростью в русском человеке уживается благочестивость. Богатые, благополучные русские купцы, чье ремесло, казалось бы основано на обмане («не обманешь — не продашь») в расцвете сил неожиданно оставляли свое налаженное дело и уходили в монастырь, чтобы принять на себя аскезу монашеской жизни. Прошлый век знает немало подобных историй. В недоумении и растерянности были родные таких подвижников, злорадствовали тайные и явные недоброжелатели, намекая на их «дурость». А народная легенда понимала и поддерживала отречение от земных благ. Недаром подобный жизненный по своей сути сюжет запечатлен в фольклорном нарративе («Савелей богатой и Микола Милостивой» № 8).

Но вместе с тем русский национальный характер начисто лишен пуританского начала. Отсюда и популярность остроумных, забористых сюжетов, которые вслед за А. Н. Афанасьевым принято называть «заветные сказки» — сюжетов, в которых, как в эпоху Возрождения, торжествует плоть и светлая эротика («Поп, дьякон и дьячок» № 84, «Как мужик серьги у попадьи доставал» № 125 и др.).

Народная сказка насквозь оптимистична. Враги в ней всегда оказываются побежденными. Сказка обязательно приведет героя к сказочному идеалу — царствованию и женитьбе на царевне. Человеческие пороки будут наказаны. Исторический оптимизм — вот еще одна грань народного характера, которая образно выражена в великой фольклорной культуре. Когда-то сказка научила братьев Соколовых верить в конечную справедливость мироустройства, вселила в растерявшихся юношей уверенность в духовные силы русского народа. Старинная сказка вселяет оптимизм и в человека конца XX века.

Судьба не уготовила ни для Бориса Матвеевича, ни для Юрия Матвеевича Соколовых долгой жизни: оба они скончались в расцвете своих творческих сил. Но зато им щедро было дано неумное желание трудиться и возможность повседневно осуществлять эту духовную потребность.

В 1911 г. братья закончили Московский университет и оба были оставлены при филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию. Одновременно Борис Соколов начинает читать курс русского языка и литературы в Московском учительском институте (1911—1917), причем привлекает многих из своих слушателей к собиранию фольклора. В течение 1913—1917 гг. он преподает в педагогических классах Женского Николаевского института. В 1916—1918 гг. выезжает в Нижний Новгород для чтения курсов истории русского языка и народной словесности в так называемом Народном университете. С 1916 г. Б. Соколов состоит преподавателем Московских высших женских курсов, где он руководит семинарием по русской народной словесности.

К 1917 г. Б. М. Соколов успел написать несколько фольклористических статей, благодаря которым он занял одно из ведущих мест в так называемой «исторической школе», изучавшей былины и исторические песни в сопоставлении с реальными историческими фактами («Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине», «История старин о 40 каликах со каликою», «Шурин Грозного удалой борец Мамстрюк Темгрюкович», «Непра-река в русском эпосе», «Былины об Идолище Поганом», «О житийных и апокрифических мотивах в былинах» и др.).

Юрий Соколов к кризисному 1917 г. прошел примерно тот же путь, что и его брат: библиотекарь Исторического музея, учитель русского языка и литературы в одной из женских гимназий Москвы, преподаватель в консерватории (с 1913 г.), лектор курса народной словесности в Московском городском народном университете А. Л. Шанявского (с 1916 г.) и в Нижегородском народном университете. Правда, в предреволюционные годы он, в отличие от брата, видел себя не фольклористом, а исследователем русской литературы. В рамках работы над магистерской диссертацией Ю. Соколов опубликовал несколько статей по истории русской литературы тридцатых—сороковых годов XIX в.: «Грановский и Шевырев», «Из тридцатых годов: Два письма братьев Киреевских к Шевыреву», «В. Б. Нарезный».

В 1917 году, когда власть имущие и на власть претендующие поделили страну на «белых» и «красных», братья Соколовы выбрали правду «красных» — они остались в советской России. В 1919 г. Б. М. Соколов был избран профессором вновь созданного Саратовского университета. Поволжью посвятил он несколько лет своей жизни. Здесь развернулась его кипучая деятельность по созданию этнографического отдела при Саратовском обществе археологии и этнографии, Этнографического музея, по организации фольклорных экспедиций. В 1921—1922 гг. он принимает активное участие в борьбе с голодом, поразившим в эти годы Поволжье.

Юрий Соколов в это время начинает работать директором библиотеки Государственного исторического музея и одновременно преподает в московских вузах. В 1925 г. Б. Соколов возвращается в Москву. А в летние месяцы 1926, 1927 и 1928 гг. под руководством братьев Соколовых проходит организованная Государственной Академией Художественных Наук знаменитая фольклорная экспедиция «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга» в Заонежье. Результатом этих поездок станет фундаментальный сборник «Онежские былины», подготовленный В. И. Чичеровым под руководством Ю. М. Соколова. Однако это собрание увидит свет лишь в 1948 г., когда ни Бориса, ни Юрия Соколова уже не будет в живых.

Борис Матвеевич Соколов скончался в самом расцвете своих творческих сил 30 июля 1930 г. Брат пережил его на одиннадцать лет. В тридцатые годы Ю. М. Соколов стал одним из ведущих, наряду с М. К. Азадовским и Д. К. Зелениным, фольклористов страны. Преподавание в различных вузах и подготовка молодых кадров для фольклористической науки, организация выступлений народных сказителей и пропаганда фольклорного искусства в широких слоях общества, редактирование многочисленных сборников фольклора и выступление со злободневными статьями, участие в острых дискуссиях — ни одна из сфер фольклористической науки не обходилась в предвоенные годы без Ю. М. Соколова. В 1939 г. Ю. М. Соколов был избран действительным членом украинской Академии наук и возглавил Институт фольклора АН УССР. Умер он, на пятьдесят втором году жизни, 15 января 1941 г. на юбилейном собрании в честь академика Крымского, после своей блестящей речи, обращенной к молодежи, решившей посвятить себя науке.

Не даровав долгой жизни, судьба дала Борису и Юрию Соколову другую достойную награду за их труды: они видели результаты своей работы в виде опубликованных фольклорных сборников и научных статей. Наградой им были и их ученики-преемники. Судьба наградила братьев Соколовых тонким пониманием красоты нашего мира.

Братья Соколовы подарили людям XX века замечательный сборник «Сказки и песни Белозерского края». Сборник этот и в конце XX века заряжает читателя историческим оптимизмом и верой в русский народ и его жизнестойкость.¹

{/numeration}

Т. Г. Иванова.